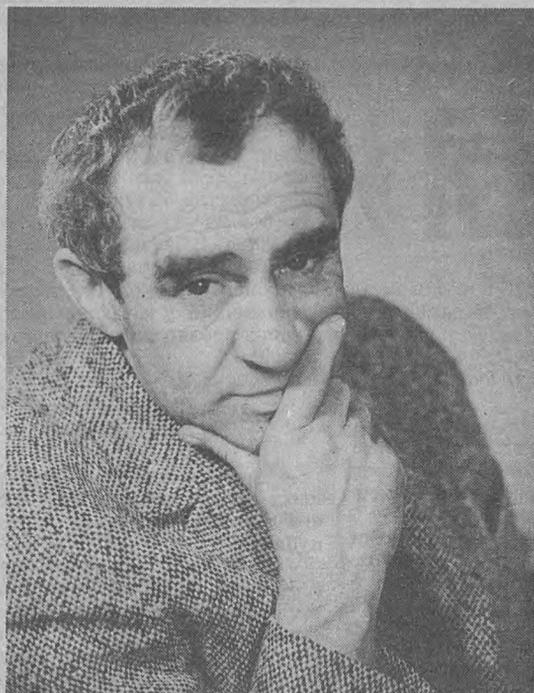

М ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Зиновий ГЕРДТ:

О доброте истинной и доброте показной

Имя этого актера у многих привычно ассоциируется с его голосом — удивительно приятного тембра, который мы слышим за кадром художественного или документального фильма.

— Но я никогда не был просто диктором, — возражает артист, — не произносил чужих слов. Свой текст я пишу сам — это мои суждения, мои мысли.

В лице Зиновия Гердта счастливо соединились актер и писатель. Он снялся во многих фильмах, озвучил, по его словам, 300 или 500 кинокартин и написал несколько пьес. Сам он считает, что лучший драматург, только медленный, — это

жизнь, и потому в пьесе, над которой он работает сейчас, будут и факты из его биографии. Но главное, по мысли Гердта, это будет пьеса о доброте истинной и доброте показной.

— Мне кажется, — продолжает артист, — в наши дни это очень важная проблема. И мне хотелось бы вызвать сочувствие к человеку неброскому, непробивному, тихому, но не маленькому, нет. Не в броской внешности дело, важно, что у тебя внутри.

За свою жизнь (в сентябре Гердту исполнилось 65 лет) он работал со многими видными режиссерами, актерами. Не пробовал ли он применить свой писательский дар в воспоминании об этих людях?

— Я часто выступаю перед публикой, — отвечает Зиновий Гердт, — и давно слышу этот вопрос. Прежде чем писать, мне нужно было найти способ, чтобы в моих мемуарах не появилось двух героев, из которых главный — автор. Недавно я окончил воспоминания о замечательном кинорежиссере Михаиле Ромме, где постарался избежать местоимения «я». Сейчас на телевидении мы делаем картину о прекрасной актрисе, большом моем друге Рине Зеленой.

Сам Гердт начал свою актерскую деятельность в 1933 году в театре рабочей молодежи. После тяжелого ранения под Харьковом в 1943 году он долго болел, и, казалось, ему уже был закрыт путь на сцену. Но нашелся выход — кукольный театр. С Центральным театром кукол связаны годы и годы жизни Гердта. С этим театром он объехал почти весь мир, и повсюду голос артиста из-за ширмы звучал на родном для зрителя языке.

— Например, «Необыкновенный концерт», — улыбается Гердт, — я играл на 26 языках. Обычно я приезжал в страну за 3–4 дня до начала гастроль. Мне переводили текст, и я его заучивал, зная смысл каждой фразы. Потом наступал тот страшный час, когда открывался занавес и я вынужден был говорить. Большую часть публика понимала. Я старался ловить словечки с улицы, это очень помогало установить контакт — путей к отступлению не было.

Вообще-то я знаю только английский. В США меня просили умерить мое «оксфордское» произношение и говорить похуже. Публике нравится, когда иностранец на ее языке говорит с акцентом: правильно сказать она и сама умеет.

В Японии зрители приходили за кулисы поболтать, уверенные, что я хорошо говорю японски. Они говорили очень длинно и вежливо кланялись. У меня не было иного выхода, как счесть все это за комплименты, потому что только на комплименты я и знал, как отвечать: большое спасибо.

Словом, языков много, но порой мы и на своем родном не умеем говорить друг с другом. Помоему, люди разучились спорить. Все хотят убеждать и мало кто хочет убедиться. И если даже мы делаем вид, что внимательно слушаем оппонента, то на самом деле в это время копируем аргументы для новой атаки.

Спорить лучше всего с единомышленником.

**Юрий КАМЕНЕЦКИЙ,
Григорий МАЙЗУС.**